

¹¹ См.: Калинин Л. А. Понятия «вещь вообще» и «вещь в себе» и их роль в системе кантовского «критицизма» // Кантовский сборник: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 3—11.

¹² Упреки Канта в этическом формализме столь распространены в нашей литературе, что можно не приводить примеров, в то время как обратные оценки куда менее многочисленны. Особенно глубоко и обстоятельно вопрос о содержательном характере моральных норм в этике Канта был рассмотрен Л. А. Абрамяном в докладе на IV Кантовских чтениях (см.: Абрамян Л. А. Несколько замечаний об «этическом формализме» Канта // Кантовский сборник: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1988. Вып. 13. С. 9—25).

¹³ См. там же. С. 22.

Аксиологический подход к эстетическим категориям в эстетическом учении Иммануила Канта

Л. Н. Столович

(Тартуский государственный университет)

В отношении эстетического наследия Канта, как, впрочем, и в отношении ряда других сторон его философии, действует парадоксальная закономерность: чем больше время отделяет новые поколения от жизни великого мыслителя, тем, кажется, все более возрастает актуальность его идей. На мой взгляд, необычайные достижения кантовской эстетики в значительной мере обусловлены тем, что Кант включил эстетическое мироотношение в систему ценностного миропонимания. Ведь сама эстетика Канта, изложенная в «Критике способности суждения», включена в теорию *способности суждения* как «критика эстетической способности суждения».

У Канта в понимании ценностного характера эстетического мироотношения были предшественники. В век Просвещения большое значение обрело само понятие «ценность», особенно в этическом и экономическом смысле (например, у А. Смита). Д. Юм четко поставил вопрос о специфике ценностного отношения, о нетождественности *ценности* и *предмета*, который ею обладает, в сфере этики и эстетики, ибо «прекрасное не есть качество, существующее в самих вещах»¹. В эстетической мысли XVIII столетия все более и более осознавалась ценность красоты и особенность воздействия ее на человеческую душу и жизнь. И. Г. Зильцер в начале 70-х годов того века вплотную подходит к понятию *эстетическая ценность*, сочетая понятия «ценность» и «эстетический материал»: «ценность эстетического материала»². Кант не только подытожил достижения в этой области мыслителей века Просвещения, но осуществил теоретико-ценностный подход в эстетике более теоретически осознанно и основательно, чем кто-либо из его предшественников.

Понятие ценности используется Кантом прежде всего в его гносеологическом и этическом учении. В «Критике чистого разума» (1781) он писал, что трансцендентальная логика «рас-

сма­три­ва­ет суж­де­ния и с точ­ки зре­ния цен­но­сти» (3, 169). В «Кри­ти­ке прак­ти­че­ско­го раз­у­ма» (1788) от­ме­ча­ет­ся, что «суть вся­кой нрав­ствен­ной цен­но­сти по­ступ­ков со­сто­ит в том, что мораль­ный закон не­по­сред­ствен­но оп­ре­де­ля­ет во­лю» (4 (1), 396). Од­на­ко, хо­тя по­ня­тие цен­но­сти ис­поль­зу­ет­ся Кан­том, пре­жде все­го, в его эти­че­ском учении, он пред­при­нял по­пыт­ку дать и более об­щее обос­но­ва­ние это­го по­ня­тия. В «Ос­но­вах мета­физики нрав­ствен­но­сти» (1785) Кант считал, что «все пред­ме­ты склон­но­сти име­ют лишь обус­лов­лен­ную цен­ность, так как если бы не было склон­но­стей и основан­ных на них по­треб­но­стей, то и пред­мет их не имел бы ника­кой цен­но­сти» (4 (1), 269). Од­на­ко сами цен­но­сти мо­гут быть как *отно­си­тель­ны­ми*, так и *аб­со­лют­ны­ми*. Де­ле­ние цен­но­стей на от­но­си­тель­ные и аб­со­лют­ные свя­за­но с ха­рак­те­ром це­лей, ко­то­рые мо­гут быть *суб­ъек­тив­ны­ми* и *об­ъек­тив­ны­ми*. Так вещи не име­ют об­ъек­тив­ных це­лей. Они со­от­но­сят­ся толь­ко с на­ши­ми, суб­ъек­тив­ны­ми це­ля­ми. По­это­му они ха­рак­те­ри­зу­ют­ся как цен­но­сти от­но­си­тель­ные, как «цен­ность для нас». «Об­ъек­тив­ны­ми це­ля­ми» Кант на­зы­ва­ет *лица* — раз­ум­ные су­ще­ства, ко­то­рые, в от­ли­чие от *вещей*, вы­сту­па­ют «как це­ли сами по себе». Та­ким об­ра­зом по­ни­ма­е­мая «об­ъек­тив­ная це­ль» и при­да­ет ли­цам «аб­со­лют­ную цен­ность» (4 (1), 269).

По Кан­ту, цен­ность из­на­чаль­но су­ще­ствует как свой­ство раз­ум­но­го че­ло­ве­ка и че­ло­ве­че­ско­го от­но­ше­ния к ми­ру, как ме­ра че­ло­ве­чест­но­сти и сво­бо­ды, ибо че­ло­ве­че­ский раз­ум ус­ма­три­ва­ет «цен­ность су­ще­ст­во­ва­ния вещей не толь­ко в от­но­ше­нии при­ро­ды к ним (раз­ум­ным су­ще­ствам.— Л. С.) в их бла­го­по­лу­чии», но и «в со­сто­я­нии при­да­ть эту цен­ность себе пер­во­на­чаль­но (в сво­бо­де)» (5, 485).

Кант не считал, что все че­ло­ве­че­ские пред­став­ле­ния о цен­но­стях яв­ля­ют­ся под­лин­ны­ми. Цен­но­сти мо­гут быть и мни­мы­ми, иллю­зор­ны­ми. К по­след­ним мы­слитель от­но­сит, на­при­мер, цен­но­сти суж­де­ния лю­дей, поро­жда­е­мые «ил­лю­зией че­сто­лю­бия», — «жа­жда ти­ту­лов и ор­де­нов»³. Во­об­ще он от­вер­га­ет кри­те­рии цен­но­сти, основан­ные на чисто суб­ъек­тив­ных склон­но­стях и по­треб­но­стях лю­дей, в том чис­ле в на­сла­жде­нии. Под­лин­ная цен­ность со­пря­же­на с це­лесо­об­раз­но­стью че­ло­ве­че­ской де­я­тель­но­сти: «цен­ность, ко­то­рую мы сами при­да­ем на­шей жи­зни по­сред­ством то­го, что мы не толь­ко де­ла­ем, но де­ла­ем це­лесо­об­раз­но» (5, 467). Сле­до­ва­тель­но, по учению ве­ли­ко­го фи­ло­со­фа, цен­но­сти об­ла­да­ют осо­бой об­ъек­тив­но­стью. Это не об­ъек­тив­ность при­род­ных вещей, но об­ъек­тив­ность выс­ших це­лей че­ло­ве­че­ско­го су­ще­ст­во­ва­ния. В «Кри­ти­ке чи­сто­го раз­у­ма» пря­мо утвер­жда­ет­ся, что «идея мораль­но­го ми­ра об­ла­да­ет об­ъек­тив­ной ре­аль­но­стью», хо­тя этот мир умо­пос­ти­га­е­мый», т. е. яв­ля­ет­ся пред­ме­том «чи­сто­го раз­у­ма в его прак­ти­че­ском при­ме­не­нии» (3, 664). Кант считал ре­аль­но су­ще­ст­вую­щим «пре­крас­ный иде­ал все­об­ще­го цар­ства *це­лей самих по себе* (раз­ум­ных

существ)», к которому принадлежит человек тогда, когда он точно руководствуется «в своем поведении максимами свободы» (4 (1), 309). «Царство целей» и есть обитель ценностей: «В царстве целей все имеет или *цену*, или *достоинство*» (4 (1), 276).

Ценность для Канта — это прежде всего ценность моральная, или нравственная. Ценностью обладает «добрая воля», которую он сравнивает с драгоценным камнем, «как нечто такое, что имеет в самом себе свою полную ценность» (4 (1), 229). Из этого ценностного источника получает свою ценность и долг. Долг удостоивается возвеличивания, определяясь этико-эстетической категорией возвышенного: «*Долг! Ты возвышенное, великое слово...*» (4 (1), 413). Сам долг выступает и как *критерий ценности* человеческих поступков. «Поступок приобретает свою настоящую моральную ценность», если он совершается «исключительно из чувства долга» (4 (1), 234).

Однако Кант использовал слово «ценность» не только в морально-нравственном значении. В «Логике», изданной учеником Канта Г. Б. Йеше на основе лекций, заметок и конспектов своего учителя в 1800 г., понятие ценности употребляется в *познавательном* смысле: «*Внутренняя* ценность, которую знания имеют благодаря логическому совершенству, несравнима с его *внешней* прикладною ценностью»⁴. Помимо деления ценности в этом смысле на *внутреннюю* и *внешнюю*, Кант, судя по «Логике», подразделяет познавательные ценности на *относительные* и *абсолютную*, правда, в ином плане, чем он это делал по отношению к нравственно-моральной ценности. В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант сопрягает понятие «ценность» с понятием «культура», отмечая, что культура «существенно состоит в общественной ценности человека» (6, 11).

Рассматривая нравственно-моральную ценность как своего рода эталон ценности вообще, поскольку она выражает сущность человека как разумного, свободного и нравственного существа, как цели самой по себе, создатель критической философии видел и другие значения термина «ценность» и ему подобных. В «Основах метафизики нравственности» содержится своеобразная классификация ценностей, или, по Канту, *цен*, т. е. относительных ценностей. «В царстве целей» существуют следующие «цены»: «*рыночная цена*» — «то, что имеет отношение к общим человеческим склонностям и потребностям», — и «*определяемая аффектом цена*» — «то, что и без наличия потребности соответствует определенному вкусу, т. е. удовольствию от одной лишь бесцельной игры наших душевных сил». Кроме этих относительных ценностей, или *цен*, существует «*достоинство*» — «внутренняя ценность» (4 (1), 267—277). «*Рыночная цена*» относится к тому, что мы называем *утилитарно-практической ценностью* («Умение и прилежание в труде имеет рыночную цену»). «*Определяемая аффектом цена*» — объект эстети-

ческого вкуса — есть, по сути дела, *эстетическая ценность*. «*Достоинство*» — *нравственно-моральная ценность*.

Как мы видим, здесь Кант не считает равноценным нравственную ценность и сферу эстетического отношения. Это связано с тем, что в первоначальных своих этических трудах он еще недооценивал собственно эстетическое. В «Критике практического разума» эстетическое — еще область эмпирически чувственного, чувственная потребность и как таковая противостоит моральному отношению даже в его эмоциональном проявлении. Однако именно практическая, нравственная философия приводит Канта к осознанию ценности эстетической сферы, не совпадающей с эмпирической чувственностью. «Эстетика чистого практического разума» (4 (1), 417), как мы полагаем, и является ключом к *собственно эстетике* Канта, разработанной в «Критике способности суждения» (1790) ⁵.

Но если в этике Канта начала складываться его эстетика, то в своей эстетике он не забывает об этике, хотя нравственно-этическую сферу автор «Критики способности суждения» отделяет от эстетической в поисках специфики последней. Вместе с тем противопоставление этих сфер не абсолютно. Ведь и нравственность, и прекрасное причастны, хотя и по-разному, к целесообразности и свободе. Особенно очевидна связь эстетического с этическим в понятии «возвышенное». Да и само «прекрасное есть символ нравственно доброго» (5, 375). Правда, в третьей «Критике» «хорошее» противостоит «прекрасному» именно как «объективная ценность» (5, 211). Вместе с тем, не называя прекрасное и возвышенное «ценностью», Кант при аналитическом исследовании этих эстетических категорий, по существу, применяет теоретико-ценностный, аксиологический подход.

Об *оценочном* характере эстетического отношения Кант пишет многократно. «Оценка предмета» включена «в суждение вкуса», соотносясь с чувством удовольствия (см. 5, 218—221). Красота — предмет «эстетической оценки», которая есть «оценка без понятия», показывающая «только *субъективную* целесообразность в свободной игре наших познавательных способностей», в отличие от «интеллектуальной оценки», которая «согласно понятиям» «дает нам возможность ясно познать объективную целесообразность, т. е. пригодность для всевозможных (бесконечно разнообразных) целей» (5, 390).

Учет теоретико-ценностного, аксиологического подхода Канта к анализу прекрасного как центральной эстетической категории, на мой взгляд, позволяет не только адекватно и корректно понять эстетическое учение великого мыслителя, но и выявить то позитивное, что оно содержит. И напротив, игнорирование этого подхода является основой вульгаризаторской трактовки кантовской эстетики, на которую какие только не наклеивали ярлыки: «субъективный идеализм», «агностицизм»,

«субъективизм+объективный идеализм», «формализм» и т. п.

Обратимся к такому вопросу, как понимание Кантом объективности прекрасного,— к вопросу, который до сегодняшнего дня является остродискуссионным. Кант прямо заявляет, что «красота не есть понятие об объекте, а суждение вкуса не есть познавательное суждение» (5, 303), что «красота не есть свойство объекта, рассматриваемого самого по себе» (5, 368). Прекрасное есть предмет удовольствия, «*свободного от всякого интереса*» (5, 212), «интересом называется удовольствие, которое мы связываем с представлением о существовании предмета» (5, 204). Казалось бы, перед нами прямые свидетельства «субъективизма»: отрицание объективности красоты, отрицание эстетичности объективной реальности, отрицание познавательного значения эстетического суждения и, следовательно, его объективного основания и детерминации!

Но, с другой стороны, разве Кант не пишет: «Природа прекрасна» (5, 322), «красота природы» (5, 406), «красота в природе», «красота в искусстве» (см. 5, 337)? Как это совместить с утверждениями о том, что «красота не есть свойство объекта», что «эстетическое свойство» — «то, что в представлении об объекте чисто субъективно, т. е. составляет отношение представления к субъекту, а не к предмету» (5, 188)? Ведь неудобно даже подумать, что создатель критической философии запутался в логических противоречиях, мыслит логически непоследовательно.

Однако «ларчик» открывается просто, если мы учтем ценностно-оценочный характер эстетического отношения, понимание Кантом красоты в качестве объекта вкусовой оценки. Да, «суждение вкуса не есть познавательное суждение», потому что оно — суждение другого рода — *оценочное*. Можно, конечно, критиковать Канта за противопоставление оценочного суждения познавательному, хотя нельзя не учитывать и того, что само эстетическое переживание, с его точки зрения,— игра *познавательных* способностей человека, и то, что суждение вкуса может быть не только «чистым», но и интеллектуализированным (см. 5, 236—237). Но ведь Кант прав в том, что суждение эстетического вкуса есть суждение *оценочное* и что его предмет-объект обладает *ценностным* характером! А если это так, то действительно, «красота не есть свойство объекта, рассматриваемого самого по себе». Обратное утверждение означало бы то, что было впоследствии названо «натуралистической ошибкой». Ценность предмета-объекта не есть предмет-объект, рассматриваемый сам по себе, вне его объективного и субъективного отношения к субъекту оценки. По Канту, суждение вкуса как «не логическое а эстетическое суждение» — «это способность судить о прекрасном». Анализ суждений вкуса и должен обнаружить, «что именно требуется для того, чтобы назвать предмет прекрасным» (5, 203). Следовательно, для Канта нет сомнения в том, что пред-

мет прекрасен. Вопрос же заключается в том, чтобы выяснить, что именно его делает таковым.

Американский исследователь С. Дж. Питок в статье «Кант, красота и объект вкуса» полагает, что противоречивое отношение красоты к объекту в учении Канта объясняется несовпадением понятий: «объект вкуса» и «объект, который судится (оценивается) вкусом», т. е. тем, что «объект вкуса» — это не физический объект, а только «синтаксический»⁶. Кант действительно понимает недопустимость в теории эстетического суждения «натуралистической ошибки» — смешения *ценности предмета* с *самим предметом*. Существует, конечно, проблема соотношения ценности не только с субъектом оценки, но и с ее объектом, объективным носителем. Кант ставит и ее, когда рассматривает отношение красоты к целесообразности, к свободе, к форме, соотношение «свободной красоты» и «привходящей» (если «первая не предполагает никакого понятия о том, чем должен быть предмет», то «вторая предполагает такое понятие и совершенство предмета соответственно этому понятию» (5, 233). Разумеется, конец XVIII столетия давал свои ограничения при осмыслении того, чем должен быть предмет, наделенный красотой. Этот предмет не мог пониматься как социальный в современном смысле, хотя гениальный Кант догадывался в определенной мере и об этом и тогда, когда нравственные ценности считал предметом эстетической оценки, и тогда, когда усматривал коммуникативную функцию эстетической способности людей, считая ее «общим для всех чувством» (5, 309).

Что касается квалификации эстетических воззрений Канта в качестве «идеалистических» и «агностических», то следует иметь в виду, что такого рода квалификация уместна «в пределах основного гносеологического вопроса» об отношении материи и сознания⁷. Но ведь у Канта речь идет в сфере эстетики не о *гносеологическом* отношении, а об *оценочно-ценностном*! В аксиологии тоже существует свой основной вопрос — вопрос об отношении *ценностного бытия* и *ценностно-оценочного сознания*. Но этот основной *аксиологический* вопрос отнюдь не тождествен вопросу о *гносеологическом* отношении материи и сознания! Это следует иметь в виду, потому что, ставя клеймо идеализма или агностицизма на той или иной теоретико-ценностной, этической или эстетической концепции, допускают непростительную методологическую ошибку: растворяют ценностное отношение в познавательном, аксиологическом — в гносеологическом. Эстетическое учение Канта показывает недопустимость растворения ценностного отношения в познавательном, аксиологического — в гносеологическом.

Как известно, так называемая «философия ценностей», названная впоследствии «аксиологией», возникла во второй половине XIX века. Однако ценностное отношение человека к миру и стремление его теоретически осмыслить возникло задолго до

этого. И Канту принадлежит особая роль в образовании этой отрасли философского знания. Уже само название третьей «Критики» — «Критика способности суждения» — показывает стремление к обоснованию философского учения о ценностном суждении. Правда, у создателя критической философии понятие ценности не обрело еще универсального характера, ограничиваясь в основном нравственно-моральной сферой⁸, но оно уже начало переходить через этику в область эстетическую, тем самым универсализуясь.

В «Критике способности суждения» начал образовываться и понятийный аппарат теоретико-ценностного подхода к эстетическим и художественным явлениям. Помимо понятия «эстетическая оценка» Кант употребил и понятие «эстетическая ценность»; 53-й параграф третьей «Критики» называется: «Сравнение изящных искусств по их эстетической ценности». Что же Кант в данном случае понимает под «эстетической ценностью»? Он сравнивает между собой поэзию, красноречие, музыку, изобразительные искусства, выделяя из последних живопись. Сравняет не по красоте, которой обладают все виды «изящного искусства», т. е. «прекрасные искусства» (*die schöne Künste*). Критерий сравнения искусств по их «эстетической ценности» у Канта — характер воздействия различных видов искусства на духовный мир человека. Один из этих критериев: «оценивать изящные искусства по той культуре, которую они дают душе, а мерилом брать обогащение способностей, которые должны в способности суждения объединиться для познания» (5, 348).

Аксиологическими понятиями в эстетике Канта выступает и «эстетический вкус», «суждение вкуса», и «идеал красоты», и «эстетическая идея нормы». У Канта «идеал красоты» — человек, поскольку он имеет цель своего существования в себе самом, — и нравственно-моральная ценность («достоинство») относятся к одному и тому же объекту, но отличаются аксиологически тем, что «идеал красоты», кроме «идеи разума», общей для этики и эстетики, предполагает «эстетическую идею нормы». «Эстетическая идея нормы» — это «мерило суждения о человеке как предмете, принадлежащем к особому виду животных». В качестве «всеобщего мерила эстетической оценки» каждой особи вида, которой адекватен вид в целом, по кантовскому учению, является «величайшая целесообразность в конструировании фигуры» (5, 237).

В 1793 г. произошла полемика между Кантом и Фридрихом Шиллером о сущности понятия «достоинство» в его соотношении с эстетическим. Поэт-мыслитель в статье «О границе и достоинстве», следуя за философией Канта в понимании сущности и красоты, эстетического вкуса и нравственности, вместе с тем подвергает критике «великого мудреца» за чрезмерное противопоставление «действия по склонности» «действию по долгу». Шиллер возражает против жесткого противопоставления «гра

ции» и «достоинства», эстетического и этического. Если у Канта «достоинство» равнозначно нравственно-моральной ценности, то у Шиллера сама красота находится «между *достоинством*, как выражением господствующего духа, и *похотью*, как выражением господствующего инстинкта», подобно тому, как «*свобода* находится между давлением закона и анархией». Проявляя большую диалектическую чуткость, великий поэт видит в грации и достоинстве единство противоположностей: «только от грации получает достоинство свое подтверждение, и только от достоинства получает грация свою ценность»⁹.

Отвечая Шиллеру в трактате «Религия в пределах только разума», Кант подчеркнул, что его задачей было выявить *понятие* долга, и поэтому, как он пишет, «я охотно признаю, что к *понятию* долга именно ради его достоинства я не могу присовокупить какую-либо *грацию*: понятие долга содержит в себе безусловное принуждение, с чем грация стоит в прямом противоречии». По словам Канта, «великолепный образ человечества», следующего добродетели, «хотя и позволяет *грациям* сопровождать себя, но они должны держаться на почтительном расстоянии, если речь идет еще только о долге». Вместе с тем Кант не отрицает «*эстетический* характер» добродетели — «мужественный, стало, быть, *радостный*». Без радостного настроения духа «никогда нет уверенности, что добро *полюбилось*, т. е. принято в максимум». «Величие закона» возбуждает «*чувство возвышенности*», которое философ противопоставляет *прекрасному*¹⁰.

Шиллер также считал, что «высшая степень достоинства — *величие*», но он полагал, что «у достоинства есть свои различные оттенки»: «Там, где оно приближается к грации и красоте, оно превращается в *благородство*, а там, где граничит с устрашающим, — в *величавость*»¹¹.

Полемика между великим философом и великим поэтом по вопросу о соотношении эстетического и этического, «грации» и «достоинства» — свидетельство становления аксиологических понятий «эстетическая ценность» и «нравственная ценность», шлифующих друг друга.

Значение эстетики Канта для современной эстетической мысли заключается, как мне представляется, в разработке и осуществлении аксиологического подхода для исследования эстетических и художественных явлений. Можно принимать или не принимать отдельные положения этого подхода и их применение в теоретической эстетике. История эстетики после Канта наглядно показала различные возможности решения эстетических проблем. Но эта же история показывает, что сам аксиологический подход — бесспорное завоевание философской эстетики, связанной с именем Канта. Поэтому применительно к области эстетики справедливо высказывание о том, что можно быть за Канта, можно быть против Канта, но нельзя быть *без* Канта.

- ¹ Юм Давид. Соч.: В 2-х т. М., 1965. Т. 2. С. 724.
- ² Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der schönen Künste. Erster Theil. Leipzig, 1771. S. 22—23.
- ³ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 240.
- ⁴ Там же. С. 350.
- ⁵ См.: Столович Л. Н. Проблемы эстетики в «Критике практического разума»//Кантовский сборник. Калинингр. ун-т. Калининград, 1988. Вып. 13 (на чешском языке «Estetika» (Praha). 1988. N 4).
- ⁶ См.: Petock S. J. Kant, Beauty and the Object of Taste//The Journal of Aesthetics and Art Criticism (Baltimore). 1973. Vol. 32, N. 2. P. 183—186.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 151.
- ⁸ О теоретико-ценностных воззрениях И. Канта см.: Жучков В. А. Структура ценностного сознания и его место в системе философии Канта//Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978. С. 77—96; Чухина Л. Аксиологические начала философии И. Канта в ретроспективе современности//Teleologija un estētika Imanuēla Kanta «Spriestspējas kritikas» 200 gadadienā. Rīga, 1990. С. 57—81; Столович Л. Н. Иммануил Кант о понятии ценности (там же. С. 82—91).
- ⁹ Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.; Л., 1935. С. 113, 129.
- ¹⁰ Кант И. Трактаты и письма. С. 93, 94.
- ¹¹ Шиллер Ф. Статьи по эстетике. С. 134.

От взаимоотношения к единству: основные тенденции учения Канта о прекрасном

И. С. Нарский
(Академия социально-политических наук)

Актуальный Кант ныне — это прежде всего познаваемый в его подлинности Кант. Он неисчерпаем и особенно близок нам в конце XX в. Он близок нам и в анализе диалектики познания, и в проблеме гносеологических конструктов, и в учении о взаимообусловленности свободы и долга на пути к правовому обществу, и в предвидении вечного мира. И вообще в защите разумного рационализма.

Ныне бесспорно, что воззрения Канта на природу прекрасного не сводятся к той концепции, которая обрисована формальными принципами аналитики эстетической способности суждения в его третьей «Критике». Изображать Канта защитником формализма в искусстве достаточных оснований нет. По пути абсолютизации формы он не пошел, хотя его повышенный интерес к вопросам формы в художественном творчестве и его результатах был вполне оправдан. В. Ф. Асмус высказывается об этом так: ««Формалистично» кантовское учение о четырех моментах суждения вкуса. Но учение Канта об искусстве — не формалистично»¹. Я добавлю, что и учение о моментах суждения вкуса в рамках общего учения Канта не формалистично.

Истолкование соотношения между формальным и содержательным началами в эстетике Канта может быть различным. Либо приходят к выводу, что между аналитикой прекрасного и учением об эстетическом идеале у Канта образовался глубокий диссонанс, непреодолимая пропасть, и здесь нечего поде-